

DOI 10.31483/r-155167

Яковенко Елена Владимировна

Шушина Екатерина Владиславовна

**ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ДОГОВОРА
В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ КРЕДИТОВАНИИ:
ИНСТИТУТЫ САМОЗАПРЕТА И ПЕРИОДА ОХЛАЖДЕНИЯ**

Аннотация: в главе представлен анализ новелл законодательства о возможности установления «самозапрета» на дистанционное заключение кредитного договора и введения «периода охлаждения» до выдачи кредитных средств на предмет соответствия этих институтов принципу свободы договора. Установлено, что самозапрет является добровольным самоограничением, представляющим собой наиболее полную реализацию свободы договора. Период охлаждения – императивное ограничение, устанавливающее для кредитора отложенное исполнение договора. Авторы приходят к выводу о том, что нововведения согласуются с конституционными критериями допустимости ограничений прав и свобод, поскольку целью их введения является защита прав и законных интересов всех участников кредитного договора.

Ключевые слова: свобода договора, период охлаждения, самозапрет, кредитный договор, самоограничение, пределы свободы договора.

Abstract: an analysis of legislative amendments on the possibility of establishing a “self-prohibition” on the remote conclusion of a loan agreement and the introduction of a “cooling-off period” before the issuance of loan funds was conducted to determine whether these institutions comply with the principle of freedom of contract. It has been established that self-prohibition is a voluntary self-restriction, which represents the most complete realization of freedom of contract. A cooling-off period is a mandatory restriction, establishing a deferred performance of the contract for the creditor. The authors conclude that the innovations are consistent with the constitutional criteria for the admissibility of restrictions on rights and freedoms, since the purpose of their

introduction is to protect the rights and legitimate interests of all parties to the loan agreement.

Keywords: *freedom of contract, cooling-off period, self-prohibition, loan agreement, self-restriction, limits of freedom of contract.*

Введение.

Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), традиционно рассматривается как фундаментальное начало частноправового регулирования, предоставляющее участникам гражданского оборота автономию в принятии решений о вступлении в договорные отношения, выборе контрагента и определении условий обязательства. Однако развитие кредитного рынка, сопровождающееся экспоненциальным ростом числа хищений денежных средств с использованием методов социальной инженерии, побудило законодателя к поиску новых механизмов защиты прав потребителей.

Согласно данным Банка России, в 2024 году объем операций без добровольного согласия клиентов увеличился по сравнению с 2023 годом на 74,36%, при этом возврат денежных средств гражданам составил лишь 9,9% от всего объема хищений [5]. Столь тревожная статистика обусловила принятие Федерального закона от 13.02.2025 №9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон №9-ФЗ), которым в правовой оборот введены два принципиально новых института: «самозапрет на заключение договоров потребительского кредита» и «период охлаждения» при выдаче кредитных средств.

Настоящее исследование посвящено анализу указанных институтов сквозь призму пределов реализации принципа свободы договора. Цель работы заключается в определении того, насколько введение самозапрета и периода охлаждения соответствует доктринальным представлениям о допустимых границах вмешательства государства в частноправовую автономию сторон и не нарушает ли оно баланс интересов кредиторов и заемщиков.

1. *Теоретико-правовые основы принципа свободы договора и пределы его ограничения.*

В российской цивилистической доктрине принцип свободы договора традиционно раскрывается через три основных элемента: свободу заключения договора (отсутствие принуждения к вступлению в обязательственные отношения), свободу выбора вида договора и свободу определения его условий. Как отмечал еще И.А. Покровский, частная автономия составляет «душу всякого развитого гражданского правопорядка», поскольку именно через свободное волеизъявление субъекты права реализуют свои интересы [8, с. 87].

В современном понимании свобода договора имеет и конституционно-правовое измерение. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 №4-П подчеркивается, что свобода договора в ее конституционно-правовом смысле предполагает соблюдение принципов равенства и согласования воли сторон, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела [9].

Вместе с тем, как справедливо указывает О.К. Тикк, исследование категории «ограничение гражданских прав» требует разграничения собственно ограничений (установленных законом пределов) и случаев добровольного самоограничения правообладателем принадлежащих ему прав [12, с. 87]. Это разграничение приобретает ключевое значение при анализе институтов самозапрета и периода охлаждения.

В теории гражданского права традиционно выделяются три основные цели ограничения свободы договора: защита слабой стороны, защита интересов кредиторов и защита публичных интересов. При этом, как отмечает С.А. Денисов, все ограничения должны отвечать конституционному критерию пропорциональности (соразмерности) вмешательства тем целям, которые преследует законодатель [1, с. 20].

Особую значимость для анализа рассматриваемых институтов имеет учение В.А. Ойгензихта о воле и волеизъявлении в сделках, в котором он обоснованно разграничивал понятия «воля» (внутреннее психическое отношение субъекта к совершаемому действию) и «волеизъявление» (внешнее выражение воли,

доведенное до сведения других лиц) [6, с. 207]. Данное разграничение позволяет понять проблему, на решение которой направлены исследуемые институты: обеспечение подлинности волеизъявления заемщика в условиях, когда его внутренняя воля может быть искажена под влиянием мошенников, поскольку именно пороки воли заемщика имеют принципиальное значение для определения «жизнеспособности» сделки.

2. Институт самозапрета: добровольное ограничение права на заключение договора.

Федеральным законом от 26.02.2024 №31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» с 1 марта 2025 года гражданам предоставлена возможность устанавливать самостоятельный запрет на дистанционное заключение договоров кредитования. Указанный механизм позволяет физическому лицу через Единый портал государственных и муниципальных услуг или многофункциональный центр внести в свою кредитную историю сведения о запрете на заключение кредитных договоров без его личного присутствия.

Анализ доктрины показывает отсутствие единого мнения ученых относительно правовой природы данного института. Ряд авторов квалифицируют такой запрет как одностороннюю сделку, поскольку гражданин выражает волю, направленную на создание правовых последствий – невозможность заключения кредитных договоров дистанционным способом [3, с. 37]. Данная позиция обосновывается легальным определением сделки, содержащимся в статье 153 ГК РФ.

Другие авторы отмечают, что в результате запрета обязанности возникают не у гражданина, подавшего заявление о запрете, а у кредитных и микрофинансовых организаций. Поскольку запрет представляет собой одностороннее действие и не должен возлагать обязанности на третьих лиц, его нельзя признать односторонней сделкой. При этом обязанности на неопределенный круг потенциальных кредиторов возлагает не сам гражданин, подающий заявление о запрете, а закон, связывающий невозможность заключения кредитной или

микрофинансовой организацией договора потребительского кредита (займа) с гражданином при наличии сведений о запрете в реестре кредитных историй [13].

Действительно, на первый взгляд, квалификация самозапрета как односторонней сделки вступает в противоречие с правилом статьи 155 ГК РФ о невозможности возложения обязанностей на третьих лиц. Однако, во-первых, данная норма содержит исключение для случаев, прямо установленных законом, – возможность самозапрета введена федеральным законом, что полностью соответствует данной оговорке; а во-вторых, с доктринальной точки зрения, обязанности, возникающие у кредитных организаций, имеют особую природу: это не позитивные обязанности совершить действия, а «правосвязанность» – невозможность заключить договор при наличии действующего запрета. Поэтому представляется, что определение правовой природы самозапрета как односторонней сделки полностью согласуется с пониманием односторонних сделок как инструментов, способных порождать правовые последствия для третьих лиц в случаях, предусмотренных законом.

Некоторые авторы рассматривают установление запрета на заключение кредитных договоров как отказ гражданина от реализации принадлежащего ему субъективного права, отмечая, что это вступает в противоречие с п. 3 ст. 22 ГК РФ, не допускающим полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности [13].

Если проанализировать положения действующего законодательства, можно сформулировать следующее определение самозапрета на получение потребительских кредитов (займов) – это установленная федеральным законом возможность физического лица путем внесения в свою кредитную историю соответствующего сведения добровольно ограничить собственную правовую возможность заключать договоры потребительского кредита (займа) дистанционным способом, что влечет юридическую обязанность кредитных организаций и микрофинансовых организаций отказать в заключении такого договора при наличии действующего запрета.

Указанное понятие самозапрета с учетом изложенных выше подходов к пониманию его правовой природы высвечивает его ключевую особенность – данный институт, будучи добровольным по своей природе, тем не менее ограничивает договорную свободу гражданина. В связи с этим исследование самозапрета не может обойтись без анализа его соотношения с принципом свободы договора – одним из основополагающих начал гражданского законодательства.

Как неоднократно отмечалось в юридической литературе, свобода договора включает три элемента: свободу решать, заключать договор или нет; свободу выбора контрагента; свободу определения условий. Самозапрет является реализацией первого элемента – гражданин добровольно и заблаговременно выбирает не заключать кредитные договоры дистанционным способом. В доктрине обращается внимание на то, что допустимость ограничения прав по воле правообладателя следует из закона [11]. Гражданин, оформляя самозапрет, прежде всего стремится избежать ситуации, когда определенные правовые последствия (выдача потребительского кредита) наступят без его ведома или против его воли. С учетом понятия сделки (ст. 153 ГК РФ), при отсутствии волеизъявления не может быть и сделки. Самозапрет позволяет зафиксировать точное волеизъявление гражданина в кредитной истории. Некоторые авторы прямо указывают на то, что самозапрет представляет собой добровольное самоограничение права на заключение договоров, основанное на принципах свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и отказа от права (ст. 9 ГК РФ) [2].

Принципиальное отличие самозапрета от иных ограничений заключается в отсутствии публичного принуждения: это частная юридическая воля, усиленная техническим механизмом принудительного исполнения в отношении кредитных организаций. Риск смещается с потенциальной жертвы на профессионального участника рынка, что качественно меняет баланс интересов. В данном случае самозапрет возможно рассматривать как отрицательную (негативную) обязанность, налагаемую лицом добровольно на себя.

В настоящем исследовании следует обратиться к мнениям ученых, рассматривавших самозапреты в вещном праве [4, с. 42]. Хрестоматийным примером

самоограничения прав собственника на вещь являлся договор аренды, согласно которому собственник добровольно ограничивал правомочия по владению, пользованию и распоряжению своей вещью ввиду передачи ее арендатору по договору. Данный пример, на наш взгляд, иллюстрирует возможности, заложенные в субъективном праве собственника (владеть, пользоваться и распоряжаться вещью по своему собственному усмотрению и в своем интересе), а не указывает на ограничения его субъективного права.

Принимая решение о самозапрете, субъект добровольно и инициативно выражает свою активную позицию по защите своей имущественной сферы от воздействия недобросовестных лиц. Согласиться заключить договор можно под влиянием других лиц, а установить запрет самому себе – это проявление в высшей степени ответственности и самодисциплины. Не исключены, конечно, случаи оказания влияния на принятие решения о самозапрете, однако в контексте рассматриваемых отношений недобросовестные лица, наоборот, иницируют заключение кредитного договора.

Кроме этого, самозапрет – это не абсолютная категория, поскольку гражданин вправе его снять самостоятельно, что также говорит о свободе его волеизъявления. Помимо этого, самозапрет ограничивает лицо в заключении договоров потребительского кредита только дистанционным способом, за ним по-прежнему сохраняется возможность заключить договор непосредственно в кредитной организации.

Таким образом, рассматривая соотношение самозапрета с принципом свободы договора, можно отметить, что самозапрет представляет собой уникальный правовой феномен – с одной стороны, он является реализацией права гражданина не вступать в договорные отношения (негативный аспект свободы договора, следует из смысла ст. 9 ГК РФ); с другой стороны – ограничивает эту свободу в дальнейшем, чем порождает проблему коллизии волеизъявлений. Так, гражданин заранее, в превентивном порядке, выражает волю на ограничение себя в заключении кредитных договоров дистанционно, что очевидно может впоследствии вступить в противоречие с вновь выраженной волей на заключение такого договора.

В ситуации, когда гражданин сначала установил самозапрет, а затем под влиянием мошенников (или добровольно) предпринимает действия по получению кредита, возникает вопрос: какому волеизъявлению следует отдать приоритет? Законодатель исходит из приоритета ранее выраженной воли: при наличии действующего самозапрета кредитная организация обязана отказать в выдаче кредита независимо от последующих действий лица.

Соответственно изложенному, представляется, что самозапрет рассматривается как проявление истинной воли субъекта гражданских правоотношений, но никак не ограничение его правоспособности, таким образом, не нарушая ключевой принцип гражданского права о свободе договора.

3. Институт периода охлаждения: императивное ограничение свободы исполнения договора.

Частью 9.3 статьи 7 Федерального закона от 21.12.2013 №353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – Федеральный закон №353-ФЗ) установлено, что кредитная организация осуществляет передачу денежных средств:

- не ранее чем через 4 часа после подписания индивидуальных условий договора при сумме кредита от 50 000 до 200 000 рублей;
- не ранее чем через 48 часов при сумме кредита свыше 200 000 рублей.

Можно назвать следующие исключения из указанного правила: период охлаждения не применяется к ипотечным кредитам (в силу ч. 2 ст. 1 Федерального закона №353-ФЗ его правовое регулирование не распространяется на данные отношения), если обязательства заемщика обеспечиваются залогом транспортного средства (в случаях зачисления заемных денежных средств на счета юридического лица – продавца транспортного средства), при множественности лиц в обязательстве на стороне заемщика, наличии у заемщика поручителей, если потребительский кредит предоставляется заемщику в целях полного или частичного исполнения им обязательств по другому кредиту (займу) или другим кредитам (займам) и если это не повлечет за собой увеличение размера существующих денежных обязательств заемщика, образовательным кредитам и в иных случаях, предусмотренных Федеральным законом №353-ФЗ.

Период охлаждения не является новым институтом в праве России. В рассматриваемом Федеральном законе №353-ФЗ в статье 11 предусмотрено право заемщика отказаться от получения потребительского кредита в течение определенного периода времени и досрочно вернуть сумму займа без наступления неблагоприятных последствий. Активно применяется период охлаждения в добровольном страховании в связи с Указанием Банка России от 20.11.2015 №3854-У [14]. Аналогичную природу имеют сроки для возврата потребителями товаров в соответствии с Законом РФ от 07.02.1992 №2300–1 «О защите прав потребителей». Можно говорить о наличии периода охлаждения и в семейных правоотношениях, когда супругам в силу п.2 ст. 22 Семейного кодекса РФ дается время для примирения, чтобы не принимать решения на «горячую голову», а сохранить брак.

В указанных случаях период охлаждения показал себя как действенный инструмент, направленный на установление истинной воли субъекта в правоотношениях, чтобы последний смог в спокойной и привычной для себя обстановке без влияния внешних факторов еще раз оценить необходимость принятия того или иного решения, влекущего определенные правовые последствия. Как верно отметила Чеклаукова Е.Л., в данных правоотношениях правомочия в период охлаждения рассматриваются как право лица, которым он может воспользоваться или нет, в то время как «новые нормы» о периоде охлаждения в кредитовании – это императивно установленная обязанность [15].

С юридико-технической точки зрения, период охлаждения может быть квалифицирован как отложенное исполнение обязательства, установленное императивной правовой нормой. Кредитор не вправе совершить действие по предоставлению заемных средств до истечения установленного срока независимо от воли сторон.

В отличие от самозапрета, который является добровольным самоограничением, период охлаждения представляет собой императивное ограничение свободы договора в части определения момента исполнения обязательства,

адресованное прежде всего кредитору. Кредитная или микрофинансовая организация ограничиваются в праве определять момент исполнения своих обязанностей.

Как следует из информации, размещаемой Банком России, период охлаждения призван защитить лицо, находящееся под воздействием мошенников, предоставив ему время для осознания своих действий [7].

Аналогичная природа периода охлаждения выявляется в проекте федерального закона №1078594–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [10]. Согласно законодательной инициативе, предлагается изменить сроки и способ оплаты при заключении договоров купли-продажи жилых помещений – расчеты производятся через банковский счет продавца в течение 7 дней после государственной регистрации перехода права. Таким образом, устанавливая императивные правила о сроке и способе исполнения обязательств, происходит «посягательство» на принцип свободы договора, однако такое вторжение также направлено на выявление истинной воли контрагентов, а не на ограничение их прав.

С позиции принципа свободы договора период охлаждения представляет собой не ограничение права на его заключение, а отложенный момент исполнения кредитного обязательства. Временной разрыв между заключением договора и передачей денежных средств (исполнением договора) призван обеспечить подлинность волеизъявления заемщика – между выражением согласия на кредит и моментом фактического получения денежных средств должно пройти время, достаточное для осознания последствий, выхода из эмоционального и психологического давления, проверки навязанной мошенниками «необходимости».

Таким образом, новые вызовы, связанные с процветанием кибермошенничества диктуют необходимость принятия действенных инструментов, направленных на минимизацию негативных последствий действий недобросовестных лиц. Такими новыми институтами стали самозапрет и период охлаждения в кредитовании населения. Если раньше период охлаждения устанавливался для защиты заемщика от «агрессивных услуг» кредитных и страховых организаций, а

самоограничение в целях защиты более слабой стороны обязательства, то в настоящее время эти институты способствуют борьбе с мошенниками, защищая обе стороны кредитного договора.

Заключение.

Подводя итоги, можно выделить принципиальные различия в правовой природе и механизме действия исследуемых институтов. Самозапрет представляет собой добровольное самоограничение гражданина, реализуемое путем внесения сведений в кредитную историю через Единый портал «Госуслуги» или МФЦ. Данный механизм действует на преддоговорной стадии, исключая саму возможность заключения кредитного договора дистанционным способом. С теоретической точки зрения, самозапрет может быть квалифицирован как односторонняя сделка.

Период охлаждения, напротив, является императивным ограничением, адресованным прежде всего кредитору – кредитной или микрофинансовой организации. Он применяется автоматически в силу закона после заключения договора, но до фактической передачи денежных средств, создавая временной разрыв (4 или 48 часов) для осознания заемщиком своих действий. С доктринальной позиции данный институт может быть рассмотрен как отложенное исполнение обязательства либо как императивный срок, ограничивающий усмотрение банка. При этом последствия нарушения для кредитора в обоих случаях сходны: он лишается права требовать исполнения от заемщика.

Таким образом, исследуемые институты представляют собой два различных типа ограничений, по-разному соотносящихся с принципом свободы договора.

Самозапрет является добровольным самоограничением, которое не противоречит свободе договора, а напротив, представляет собой ее наиболее полную реализацию – заблаговременное выражение воли, направленной на невступление в договорные отношения.

Период охлаждения представляет собой императивное ограничение, адресованное кредитору и вторгающееся в свободу определения момента исполнения обязательства. Однако и это ограничение не может рассматриваться как

нарушающее существо свободы договора, поскольку оно направлено на обеспечение подлинности волеизъявления заемщика – фундаментального условия действительности сделки, без которого договор утрачивает частноправовую природу. Законодатель, устанавливая временной разрыв, создает условия для того, чтобы внешнее волеизъявление соответствовало внутренней воле.

При этом, несмотря на различия, оба института объединены общей целевой установкой – обеспечение подлинности волеизъявления заемщика и защита от несанкционированного возникновения долговых обязательств; направлены на защиту наиболее уязвимой стороны – потребителя, что соответствует конституционному принципу социального государства (ст. 7 Конституции РФ).

В целом введение исследуемых институтов соответствует конституционным критериям допустимости ограничений прав и свобод, поскольку обеспечивает защиту прав и законных интересов всех участников кредитных отношений. В то же время решение вопроса об их достаточности и эффективности требует дальнейшего мониторинга правоприменения с целью определения необходимости корректировки данных законодательных установлений.

Список литературы

1. Денисов С.А. Преимущественное право на заключение договора как институт, устанавливающий пределы свободы заключения договора / С.А. Денисов // Законодательство. – 1997. – №2. – С. 20.

2. Кочарян С.А. Влияние механизма самозапрета на кредиты на правовую природу и исполнение кредитного договора / С.А. Кочарян, С.В. Ротко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mehanizma-samozapreta-na-kredity-na-pravovuyu-prirodu-i-ispolnenie-kreditnogo-dogovora> (дата обращения: 18.03.2026).

3. Матвеева Н.А. Самозапрет на заключение договора потребительского займа (кредита) / Н.А. Матвеева, И.В. Матвеев // Банковское право. – 2025. – №2. – С. 35–42. DOI 10.18572/1812-3945-2025-2-35-42. EDN YXDNJE

4. Микрюков В.А. Ограничения и обременения права собственности и иных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Микрюков. – Пермь, 2004. – 214 с. EDN NNCYRZ
5. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций в 2024 году // Официальный сайт Банка России. – URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 20.03.2026).
6. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление: монография / В.А. Ойгензихт. – Душанбе, 1983. – 256 с.
7. Период охлаждения по кредитам и займам: разъяснения Банка России // Официальный сайт Банка России. – URL: http://www.cbr.ru/faq/information_security/cooling-off_period/ (дата обращения: 18.03.2026).
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 2020. – 351 с.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22135/ (дата обращения: 18.03.2026).
10. Проект федерального закона № 1078594-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» // Официальный сайт Государственной думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1078594-8> (дата обращения: 10.03.2026).
11. Рубанова М.П. «Самозапрет» и «период охлаждения» – новые понятия в кредитовании / М.П. Рубанова // Предпринимательское право. – 2025. – №3. – С. 35–39. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=161170> (дата обращения: 22.03.2026).

12. Тикк О.К. О понятии «Ограничение гражданских прав» / О.К. Тикк // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – №2. – С. 75–89. EDN RZTXTB

13. Уваркин Г. Самозапреты и самоограничения прав: нечаянные последствия цифровизации / Г. Уваркин. – URL: https://zakon.ru/blog/2025/3/27/samozaprety_i_samoogranicheniya_prav_nechayannye_posledstvie_cifrovizacii (дата обращения: 18.03.2026).

14. Указание ЦБ РФ «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования» от 20.11.2015 №3854-У. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194262/ (дата обращения: 22.03.2026).

15. Чеклаукова Е.Л. Введение периода охлаждения для банковских кредитов / Е.Л. Чеклаукова // Современные технологии и научно-технический прогресс. – 2025. – №12. – С. 370–371. EDN LRRSUI

Яковенко Елена Владимировна – канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», Владивосток, Россия.

Шушина Екатерина Владиславовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», Владивосток, Россия.
